

«Счастливая долина». Один из них покачал головой, но другой кивнул.

— Выйдя из станции, поверните направо у Бутс, — Рикки поблагодарил их, но они уже вернулись к своему разговору.

Улица была не такой оживленной, как центр Лондона. Рикки повернул кепку козырьком назад и побрел по заснеженной, слякотной мостовой к Бутс.

В двадцати метрах от станции он остановился.

Он медленно обернулся.

Его кто-то преследовал? Было похоже на это. Он осмотрел улицу, но не увидел ничего, кроме быстро идущих пешеходов, опустивших головы и занятых своими делами. Затем, поскольку он лучше других знал, что кто-то, кто следует за ним, не обязательно должен быть позади него, он снова повернулся и посмотрел вперед. Он не видел никого подозрительного.

— *Ты просто на пределе. Никто за тобой не следит. Никто даже не знает, где ты...*

У Бутс он повернул направо. В переулке людей было еще меньше. А когда дошел до второго поворота налево, никого не увидел. Кафе «Счастливая долина» располагалось примерно в тридцати метрах от этой пустынной дороги.

Он глубоко вдохнул. Затем направился к кафе.

Кафе имело стеклянный фасад. Слова «Счастливая долина» были напечатаны желтыми буквами вокруг изображения оранжевого солнца. Сквозь стекло Рикки видел, что дела шли не очень быстро. Там было еще только два человека — рабочие, судя по их забрызганной краской одежде. Он напомнил себе, что на календаре было 27 декабря. У большинства людей все еще были рождественские выходные.

Тяжелая стеклянная дверь слегка скрипнула, когда Рикки толкнул ее. Внутри кафе «Счастливая долина» выглядело как любая другая забегаловка. Он насчитал восемь столов, за каждым стояло по четыре красных пластиковых стула. На каждом столе стояла красная пластиковая бутылка томатного соуса, солонка и бутылка уксуса. В попытке украсить место на каждом столе стояла тяжелая стеклянная ваза с искусственными цветами. Но стекло было жирным, а цветы пыльными, так что кафе выглядело еще более бедным.

Белая плитка на полу была потерта и сколота. Пахло жиром и растворимым кофе. Перед Рикки, напротив двери, была барная стойка. Человек за прилавком в сине-белом полосатом фартуке приветливо улыбнулся ему, когда он вошел. Это был веселый парень, довольно толстый, с дружелюбным лицом. Его улыбка выглядела неуместной, но Рикки не мог не улыбнуться ему в ответ. Из-за прилавка громко орало радио — Рикки услышал мелодию столичного радио, затем поп-песню, которую он не узнал.

Рабочие сидели прямо у прилавка. Рикки мог выбрать стол, поэтому он выбрал стол у двери — если он сядет там, то сможет быстро уйти, если понадобится. Но, прислонившись спиной к стеклянному фасаду, он мог видеть все кафе. Где бы Коул и русские ни решили сесть, он сможет их видеть.

Он попытался выглядеть непринужденно, когда сел. На самом деле его взгляд метался по сторонам в поисках камер наблюдения. Он ничего не увидел и начал понимать, почему Джейкоб Коул выбрал это место. Оно было почти пустым. Никто не ожидал увидеть его здесь. И если бы кто-нибудь спросит, он сможет легко это отрицать. Что он, важный политик, мог делать в таком месте?

Но он не рассчитывал на то, что ребенок тайно запишет его на свой телефон. Рикки положил мобильник на стол, затем просмотрел измазанное жирными пятнами меню. Через две минуты мужчина за стойкой подошел, чтобы принять заказ.

— Бутерброд с беконом и чашку чая, пожалуйста, — затем он исправился. — На самом деле, сделайте полный английский завтрак.

Мужчина усмехнулся.

— Похоже, тебе нужно подкрепиться, солнышко, — сказал он.

Рикки кивнул, но правда заключалась в том, что большая тарелка с едой потребует больше времени, чтобы приготовить ее и съесть. Он не хотел привлекать к себе внимание, сидя в кафе без еды перед ним...

Он проверил время. 8:55 утра. Коул и русские войдут в любой момент.

Тридцать секунд спустя ему принесли чашку чая.

И через тридцать секунд после этого дверь открылась.

Джейкоб Коул хмурился, лицо было худым. Войдя в кафе, сжимая в правой руке кожаный портфель, он на мгновение остановился и огляделся. Рикки мог сказать, что он едва заметил мальчика, сидевшего всего в двух метрах от него. Взгляд Коула на мгновение задержался на рабочих, сидевших у прилавка, и он явно не мог сдержать насмешку, скользнувшую по его губам при виде их грязной одежды. Он пересек кафе и сел в дальнем конце, поставив портфель на стул рядом с собой и взяв меню. Однако Рикки мог сказать, что на самом деле он его не читал — он просто смотрел поверх испачканной жиром карты, проверяя комнату.

Рикки взял свой телефон и сделал вид, что заглянул в интернет. На самом деле он открыл приложение камеры и переключил его в режим видео. Если он держал телефон под углом чуть меньше сорока пяти градусов от прилавка, Коул был в поле видимости.

Когда ему принесли завтрак, из-за прилавка зазвучала знакомая Рикки песня. Рабочие, позавтракав, встали и ушли. Теперь тут были только Рикки, Коул и парень за прилавком, который нес ему полный английский завтрак.

— Вонзи в это свои зубы, солнышко, — сказал он. Как только тарелка и чашка чая оказались перед Рикки, он прислонил телефон к горячей кружке, убедившись, что он находится под правильным углом, чтобы записать Коула и всех, кто сядет с ним. Он выключил камеру, чтобы никто, входящий в кафе, не мог понять, что он делает. Затем он приступил к завтраку.

Он медленно пережевывал кусок тоста — и Коул чрезвычайно отрывистым голосом заказал себе кофе, — когда дверь снова открылась. Вошли двое мужчин. Они оба были очень широкоплечими — Рикки сразу подумал, что не хотел бы драться ни с одним из них. У одного из них были иссиня-черные волосы, спутанные. Другой был блондином, но его волосы были очень коротко подстрижены. Как и у Коула, у него был портфель, но этот выглядел намного крепче: он был металлическим и казался довольно тяжелым.

Ни один из мужчин не улыбнулся, пока они осматривали комнату. И точно так же, как и Коул, они, казалось, почти не замечали сидящего там Рикки, сосредоточенно поглощающего ломтик бекона.

Двое русских — Рикки знал, что это они — казалось, заполнили все кафе, пока шли к столику, за которым сидел Джейкоб Коул. Папа Иззи с его худым злым лицом казался крохотным по сравнению с ними. Он развел руками, показывая, что они должны сесть напротив него. Когда они сели, Рикки включил камеру и нажал на запись. Он продолжил завтрак, украдкой наблюдая за происходящим на маленьком экране, его уши напряглись, чтобы уловить каждое слово их приглушенной беседы.

Блондин заговорил первым. У него был русский акцент.

— В твоём чемодане...

— Да, Дмитрий, — вмешался Коул. — Там расписание.

Русские посмеивались над шифром Коула. Они выглядели намного менее напряженными, чем он. Черноволосый мужчина оглянулся и крикнул «Кофе!», ни к кому не обращаясь, и Рикки увидел, как тень пробежала по лицу весельчака в фартуке. В другом конце кафе Коул поставил портфель на стол между собой и Дмитрием.

— Открой, — сказал Дмитрий.

— Когда у меня будут деньги.

Дмитрий улыбнулся. Из внутреннего лацкана пиджака он вытащил карту памяти.

— Средства были переведены на не отслеживаемый счет в швейцарском банке. Здесь ты найдешь данные учетной записи, включая всю необходимую информацию.

Коул подозрительно посмотрел на карту памяти и взял ее с явной неохотой. У Рикки сложилось впечатление, что он ждал наличных.

— А теперь открой портфель, — сказал ему Дмитрий.

Коул посмотрел на него мертвым взглядом, затем ввел код в свой портфель и открыл его. Папка, которую он передал русскому, была очень тонкой, но Дмитрий обращался с ней так, будто это была самая дорогая вещь в мире.

— Бумага? — спросил Дмитрий. — Как странно.

— Бумага в наши дни безопаснее электронных файлов, — сказал ему Коул, многозначительно глядя на только что полученную карту памяти с данными. Закрыв портфель и поставив его на пол, Дмитрий поставил свой металлический на стол, открыл его и положил папку внутрь.

— В папке есть еще кое-что, что может быть полезно твоим людям. Думай об этом как о бесплатном образце. Есть много других источников, но нам, конечно, нужно будет обсудить справедливую цену.

— Жадный ты человек, — заявил Дмитрий. Он не звучал так, будто хотел оскорбить.

— Я просто хочу честную плату за честный рабочий день, — глаза Коула сузились. — Скажи своим людям, что эта новая информация будет очень дорогой. Но она того стоит.

Мужчина пришел с их кофе. Он заблокировал обзор камеры на Коула и русских, но это не имело значения. Рикки решил, что с него достаточно. Он выключил телефон. Мужчина вернулся к прилавку, и Рикки положил на стол немного денег, чтобы заплатить за недоеденный завтрак. Он хотел выбраться отсюда как можно быстрее.

Но что-то остановило его.

Чемодан стоял на столе. Никто не сжимал его. Если он будет быстрым, Рикки мог его забрать.

— Ты с ума сошел.

— Может, нет. Тот чемодан — бомба. Если у меня будет снятый материал и чемодан, Коул попадет в тюрьму надолго...

Он не мог долго думать. Если он хотел схватить чемодан, это нужно было сделать сейчас.

Он почти на инстинкте повернул козырек кепки вперед. Это немного скроет его лицо. Скроет его.

Большая ошибка.

Рикки отодвинул стул и встал, убрал телефон в карман. Расстояние до чемодана: четыре метра.

Он пересек три метра, когда Коул посмотрел на него.

Рикки тут же понял, что что-то было не так. Коул смотрел не на его лицо, а на кепку. Рикки увидел, как он беззвучно произнес «Н» и «И».

— Схватите мальчишку! — прошипел он.

Для своего размера Дмитрий двигался очень быстро. Рикки не успел сделать шага, как русский схватил его за запястье. Рикки задохнулся от боли, когда Коул встал и сорвал с его головы бейсболку.

Коул уставился на надпись на бейсболке Рикки, потом снова на Рикки.

— В чем проблема? — спросил Дмитрий.

— Этот мальчик ворвался в мой дом прошлой ночью. Вряд ли совпадение, что он сейчас здесь.

Рикки знал, что последующие секунды он запомнит на всю оставшуюся жизнь — какой бы долгой она ни была. Веселый парень из-за прилавка зашагал к ним с возмущенным лицом.

— Что происходит? — спросил он. — Что вы делаете с этим молодым человеком? Оставьте его в покое!

— Не вмешивайся, — прорычал Дмитрий.

— Нет, не буду. Это мой озорник, и он всего лишь ребенок. Уберите свои чертовы руки...

Он так и не закончил фразу. Темноволосый русский повернулся к нему, и Рикки увидел, что у него в руке был пистолет. Ни секунды не колеблясь, русский поднял его в сторону мужчины.

— Нет! — закричал Рикки.

Но было слишком поздно.

Русский выстрелил.

Выстрел был очень тихим, но его результат был смертельным. Пуля попала мужчине в лоб, и кусок его черепа размером с кулак Рикки отлетел в сторону. Гротескные брызги крови отлетели на несколько столов, когда мужчина рухнул на пол.

Наступила внезапная ужасная тишина. Рикки почувствовал, как его мышцы застыли.

— Григорьев, идиот! — выдохнул Коул. — Ты... Ты идиот.

Но Григорьев не смотрел на Коула. Он направил пистолет на Рикки. Ствол был всего в полуметре от его лица, и Рикки мог видеть его внутренности. Он чувствовал легкое тепло металла...

Внезапно Коул оттолкнул руку русского с оружием.

— Ради бога, — прошипел он. Затем он обратил свой устрашающий взгляд на Рикки. Дмитрий сжал его запястье еще крепче, и Рикки знал, что у него было всего несколько секунд, чтобы действовать, иначе он мог присоединиться к мертвецу на полу.

— *Помни слова Феликса: «Если придется с кем-то драться, забудь о чем-то сложном. Найди что-то очень тяжелое и ударь им по голове».*

Рикки никак не мог понять, было ли то, что он сделал дальше, глупым или смелым. Немного того и другого, наверное. Он вытянул свободную руку за собой и схватил с ближайшего столика покрытую жиром стеклянную вазу. Сильным взмахом руки он ударил Дмитрия по голове.

Ваза разбилась. Дмитрий взревел от боли и гнева, когда на его лбу появилось огромное пятно крови и разодранной кожи. Он отпустил запястье Рикки и зажал рану. Рикки все еще

держал в руке основание вазы, края которой были зазубренными и острыми. Он знал, что у него был только один шанс выбраться отсюда, поэтому, когда второй русский размахивал рукой с оружием в его направлении, он швырнул стекло в стрелка, который поднял обе руки, чтобы защитить себя от ракеты.

— *Уходи отсюда! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!*

Коул был бледным и испуганным. Его глаза вылезли из орбит, и Рикки увидел, что он собирается схватить портфель со стола. Половина его понимала, что медлить глупо, но он схватил чемодан раньше, чем Коул успел его достать.

Затем он повернулся и приготовился бежать.

Он мог бы это сделать, если бы грязно-белые плитки на полу кафе не были залиты кровью. Мертвый официант истекал кровью. Он был окружен лужей красной липкой жидкости. Когда правая нога Рикки задела мокрый пол, он поскользнулся. Он пытался сбалансировать себя, но это было бесполезно. Все еще сжимая портфель, он рухнул на пол, его ноги оказались на твердом теле мертвеца. Он почувствовал, как треснул его телефон в кармане, но был слишком напуган, чтобы подумать, потерял ли он видеозапись. Сейчас это означало только одно: он не мог никого позвать на помощь.

Испугавшись, он снова вскочил на ноги. Но это не помогло. Два здоровенных русских уже стояли над ним. Их не волновало, что их обувь была в крови мертвеца. Лицо Дмитрия было залито его собственной кровью, которая стекала по его оскаленному лицу, похожему страшную маску, там, где его ударила ваза. И его товарищ тоже был там, его глаза сверкали. Теперь у обоих мужчин были пистолеты, и они оба направили их на Рикки.

Спасения не было. Рикки закрыл глаза и стал ждать выстрела, который, как он знал, положит конец его жизни.

Конечно, раздался шум. Но это был не выстрел, и Рикки не был мертв. По крайней мере, пока что.

Казалось, это произошло в замедленной съемке. Рикки услышал оглушительный треск и открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как весь стеклянный фасад кафе разлетелся вдребезги. С оглушительным грохотом миллионы осколков посыпались на пол стеклянным дождем.

Через долю секунды после взрыва Рикки увидел фигуру, стоящую возле кафе. Это был мальчик примерно возраста Рикки. Он выглядел странно, как сам Рикки, в бейсболке, джинсах, черной куртке-пуховике, красном шарфе и черных кроссовках. И в этот момент Рикки понял, что видел его раньше. Дважды. Однажды в кафе на Фрит-стрит. Затем, в тот же вечер, он чинил велосипед у Макдональдса на Шефтсбери-авеню. В глазах мальчика была свирепая решимость, и он выкрикнул одно слово:

— БЕГИ!

Рикки не нужно было повторять дважды. Взрыв заставил двух русских сделать пару шагов назад. Они подняли руки, чтобы закрыть лица, так что их оружие больше не было направлено на Рикки. Он вскочил на ноги, крепко сжимая портфель, и побежал к выходу. Его ноги хрустели битым стеклом, пока он бежал к странному мальчику, который указывал на дальний конец улицы.

— Туда! — подгонял он. — Беги!

Рикки иногда снился сон, в котором, как бы быстро он ни бежал, он не мог добраться до места, к которому направлялся. Он чувствовал себя так сейчас. До конца улицы было всего пятьдесят метров, но когда два мальчика побежали бок о бок изо всех сил, Рикки казалось,

что они никогда не доберутся до места.

— Мы слишком близко друг к другу, — крикнул мальчик. — Мы легкая мишень. Нужно разделиться.

Совет был так похож на Феликса, что Рикки пришлось взглянуть на мальчика, чтобы убедиться, что его глаза не обманывали его.

— Кто ты? — крикнул Рикки.

Но мальчик не успел ответить. Раздался звук выстрела, и пуля пролетела так близко над головой Рикки, что он почувствовал поток воздуха. Они были в десяти метрах от конца улицы.

— Поверни направо! — крикнул мальчик.

Они свернули вправо. Пот струился по коже Рикки. Тяжело дыша, они свернули за угол. Мальчик схватил его за руку.

— Дай мне портфель, — сказал он.

— Ни за что, — отрезал Рикки. Он не знал, кем был этот ребенок, и уж точно не собирался отдавать ему свои с таким трудом добытые улики.

Мальчик не стал спорить. Вместо этого он хлопнул Рикки по плечу. Это был странно дружелюбный жест, учитывая то, что происходило, но вряд ли это была самая странная вещь, случившаяся с Рикки в тот день, так что он проигнорировал ее.

— Тогда продолжай бежать, — сказал мальчик. — Я буду задерживать их, сколько смогу.

— Кто ты? — снова спросил Рикки, на этот раз более резко.

Мальчик уже отвернулся.

— Я — Зак, — сказал он. — Теперь иди!

Не было времени спорить. Кем бы ни был этот мальчик, он явно знал, что делает. И у Рикки не было желания снова столкнуться с теми русскими. Его кожа все еще была липкой от шока, когда он увидел, как они убили человека в кафе. Он посмотрел вниз и увидел кровь мужчины на брюках. Это заставило его содрогнуться, но он знал, что у него не было времени на брезгливость.

Он проверил свою хватку на чемодане и глубоко вдохнул.

Затем он побежал.

Джейкоб Коул дрожал от ярости и страха.

Он никогда раньше не видел, чтобы кого-то убивали. Это было не так, как в фильмах. Он никогда не забудет мужчину, у которого снесло половину головы. Именно это, даже больше, чем страх перед прибытием полиции, заставило его броситься за русскими, которые преследовали двух детей.

Коул, может, и был худым, но не в хорошей форме. К тому времени, когда он дошел до конца дороги, у него жгло в груди. Он стоял, тяжело дыша, глядя на оживленную дорогу. Дмитрий и Григорьев спорили по-русски. Они спрятали оружие, слава богу, теперь, когда вокруг было больше людей, и они смотрели по сторонам, пытаясь обнаружить этих чертовых детей, которые собирались все испортить.

— Там! — резко заявил Коул.

Он увидел второго мальчика, появившегося за разбитым окном. Он был на противоположной стороне улицы, примерно в пятнадцати метрах справа от них, и бежал к ответвлению «Бутс» на углу дороги.

— А другой? — спросил Дмитрий.

Он выглядел жутко с окровавленным лицом, и Коул мог сказать, что у него были жестокие намерения по отношению к ребенку в бейсболке «Nike». Но отвлекаться было нельзя: портфель был важнее всего. Если кто-нибудь узнает, что он продавал, это будет означать конец не только его карьеры. Это был бы конец его свободы.

— Очевидно, они были вместе, идиот, — прорычал Коул. — Найди одного, и найдешь другого. За ним!

Русские вырвались на дорогу, заставив черный кэб резко вильнуть, чтобы их не задеть. Коул последовал более осторожно, но к тому времени, когда он достиг противоположной стороны, мальчик уже исчез. Все еще тяжело дыша, он последовал за русскими до конца улицы, где под прямым углом шла другая дорога. Коулу только что удалось мельком увидеть ребенка с другой стороны. Он улыбался им. Затем мимо проехал автобус, скрыв его из виду.

К тому времени, когда он проехал, ребенок исчез.

Коул почувствовал, как у него поднялась температура. Он хотел кого-нибудь ударить.

Он обнаружил, что развернулся в поисках детей, но ни одного из них не было видно. Они будто растворились в воздухе.

— Вы их потеряли! — возмущенно крикнул он русским. Прохожий одарил его странным взглядом, но он едва заметил. — **НАЙДИТЕ ИХ!**

Но двое русских не шевелились. Они обменялись мрачными, целеустремленными взглядами, затем кивнули друг другу.

— **ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ?** — завопил Коул, игнорируя то, что прохожие пялились на него и держались подальше. — **Я СКАЗАЛ...**

Жестокий удар по животу заглушил его — Дмитрий был сильным и с большим кулаком. Удар выбил воздух из его легких. Коул согнулся пополам от боли, отчаянно хватая ртом воздух, но не находя его. Он почувствовал, как Дмитрий яростно схватил его за руку. Русский тащил его по дороге, пока Коул кашлял и отплевывался. Он знал, что Григорьев идет прямо за ним справа.

— Если не хочешь кончить, как тот парень в кафе, иди дальше, — буркнул Дмитрий под нос.

Внезапно Коул услышал полицейские сирены. Он посмотрел вперед и увидел, что в их сторону несутся мигающие синие огни. Не было нужды гадать, куда они идут, и на мгновение Коул подумывал крикнуть. Возможно, он мог попытаться привлечь внимание приближающейся полиции. Но тут он вспомнил о мертвом официанте, истекающем кровью на полу кафе. Ему нужно было уйти оттуда, прежде чем полиция решит, что он причастен к убийству.

И он пошел по тротуару, Дмитрий все еще держал его за руку, а Григорьев угрожающе шагал сзади. Через тридцать метров они повернули налево и остановились возле черного фургона. Коул увидел свое отражение в затемненных окнах. Он выглядел изможденным и испуганным. Раздался звуковой сигнал, когда Григорьев нажал на брелок, чтобы отпереть машину, боковая дверь скользнула в сторону, и Коул почувствовал, как его грубо втокнули внутрь.

Через несколько секунд дверь захлопнулась, и щелчок сообщил Коулу, что она заперта. Дмитрий сел рядом с ним. Он вынул пистолет и сильно прижал его к ребрам Коула. Григорьев был впереди за рулем.

— Ты понимаешь, что я убью тебя, если ты попытаешься сбежать? — сказал Дмитрий.

Слишком напуганный, чтобы ответить, Коул энергично закивал. Он думал, что его стошнит.

Дмитрий посмотрел на Григорьева.

— Ты знаешь, куда ехать?

Григорьев кивнул. Из бардачка машины он вытащил что-то похожее на небольшой блок спутниковой навигации, прикрепил его к кронштейну на приборной панели и включил. На запуск ушло тридцать секунд. Коул увидел карту с двумя точками на ней. Красная и синяя. Синяя точка двигалась, красная стояла на месте.

— Вперед! — рявкнул Дмитрий.

Григорьев повернул ключ зажигания, и двигатель завелся. Колеса грузовика громко завизжали, когда машина рванула вперед. Ствол пистолета Дмитрия сильнее впился в ребра Коула, когда они поехали.

И депутат понял, что совершил ужасную ошибку...

* * *

Рикки бежал вслепую. Вопросы грохотали в его голове. Кто был тот странный мальчик, который только что спас его? Он наверняка работал на Феликса. Какую дополнительную информацию Коул дал русским? Где они были сейчас?

Что он должен был сделать?

Он не мог ответить ни на один из этих вопросов. Его единственным планом было бежать. Он попытался очистить разум, но образ мертвого тела в кафе «Счастливая долина» продолжал всплывать в его сознании. Каждый раз, когда он видел эту ужасную картину в своей голове, его мутило. Это была его вина. Если бы его не узнали, официант не стал бы вмешиваться. Он был бы еще жив. Единственный способ, которым он мог сейчас исправить ситуацию, — это сделать так, чтобы смерть этого человека не была напрасной, чтобы информация, которую он теперь нес, попала к нужным людям. К Феликсу.

Но его телефон был сломан. У него не было возможности связаться с наставником. Так что прямо сейчас единственное, что он мог делать, это бежать быстрее и быстрее, сжимая тяжелый портфель во все более потном кулаке.

Магазины, здания и перекрестки проносились мимо него. Рикки не знал, где он был. Он пробежал рядом с детской площадкой, где мамы с детьми лепили снеговика. Потом мимо парковки супермаркета. Он остановился перевести дух в сыром, вонючем метро, стены которого были покрыты граффити. Но он только сделал несколько глубоких вдохов, когда почти услышал голос Феликса, трещащий, как хлыст, предостерегающий его. Стоит преследователям подойти к нему с любого конца метро, и он окажется в ловушке. Или, если кто-нибудь увидит его с портфелем, они, вероятно, решат, что он украл его — и, возможно, им будет выгодно украсть портфель у него...

И он бежал.

Он много раз почти поскользнулся на тающем снеге. Его ботинки и низ брюк промокли, но он продолжал бежать. Он не мог думать ни о чем другом, кроме как держаться как можно дальше от этих ужасных кровожадных русских. И Коула. Жуткий, трусливый, коварный Коул: Рикки прекрасно понимал, почему Иззи не хотела возвращаться домой...

Иззи. Он представил ее сидящей в метро в ожидании полудня. Он представил, как полиция догоняет ее и заставляет вернуться к жестокому отцу. И образ его умершей сестры Мадлен снова всплыл в его голове.

Ты не можешь вернуть свою сестру, спасая Иззи Коул, знаешь ли.

Эта мысль заставила Рикки удвоить усилия. Коул и русские не могли вернуть содержимое этого чемодана. Они не могли поймать Рикки и помешать ему привлечь их к ответственности...

Он бежал уже двадцать пять минут, и его энергия была потрачена. Он внезапно остановился, его тело согнулось пополам, он тяжело дышал. Только после тридцати секунд глубокого дыхания он огляделся.

Он стоял возле старой церкви, камни которой почернели от грязи. Церковь стояла у оживленной дороги, но пешеходов здесь было очень мало. Несмотря на это, Рикки чувствовал себя заметным. Табличка на перилах вокруг входа гласила: «Церковь Всех Душ, Харлесден».

— Не стой посреди тротуара, где тебя могут увидеть. Скрывайся!

Голос в голове давал ему хорошие советы. Взгляд Рикки упал на тяжелую деревянную дверь церкви. Он подошел к ней и потянул за железную ручку. К его удивлению, она распахнулась. Он прошел в церковь. Его приемные родители отдалили его от церквей, но эта

была похожа на обычную церковь, а не на ту, в которую они его затащили.

Внутри было на несколько градусов холоднее. Рикки стоял у входа, озираясь в поисках людей. Место оказалось заброшенным. Яркое зимнее солнце сияло в витраж за алтарем впереди, и свет слегка ослеплял его, поэтому он отошел в тень сбоку от церкви.

— *Вам нужна стратегия отступления.*

Он посмотрел в дальний конец церкви. За алтарем была дверь, и Рикки видел, что она была приоткрыта. Если угроза войдет через главный вход, он сможет выйти через задний ход.

Он сел рядом со шкафом, полным молитвенников. Здесь он положил портфель на колени. Он не видел, как Дмитрий запер чемодан, поэтому не удивился, когда тот со щелчком открылся.

Рикки обнаружил, что его руки дрожат, когда он вытаскивал папку изнутри.

Он скривился. Откуда-то из церкви донесся очень тихий пронзительный вой. Как электрические помехи, но очень слабые. Он быстро огляделся, еще раз убедившись, что здесь никого не было. Но нет, место казалось безлюдным. Откуда шел шум? Алтарь?

Или, может, ему это показалось. Шум был очень слабым, и когда он сосредоточился на нем, он, казалось, исчез.

Он снова обратил внимание на папку. Его руки все еще слегка тряслись, и он открыл ее.

20

СЛЕЖКА

Внутри было всего четыре листа бумаги. Первый назывался:

Уровень доступа 1

Ядерное сдерживание «Трезубец»

Коды местоположений

Остальная часть страницы была заполнена последовательностями цифр, которые ничего не значили для Рикки. Но он знал, что в чужих руках этот единственный клочок бумаги может обернуться катастрофой.

Голос Феликса зазвенел в его голове. *Ты когда-нибудь слышал фразу «ядерная зима»? Рикки поежился. Страшно было подумать, что такой невинно выглядящий клочок бумаги может вызвать столько ужаса. Он обнаружил, что автоматически запоминал коды.*

Он отложил страницу в сторону и посмотрел на следующий документ в папке. Это было нечто другое. К листу сверху была прикреплена паспортная фотография человека с дружелюбным, открытым лицом и темными неряшливыми волосами. Его имя, согласно

приложенному документу, было Алистер Бишоп. Но в документе пояснялось, что у него были и другие имена: Джеймс Маршалл, Рэймонд Кэррик, Томас Паркер...

Мысли Рикки вернулись к его первой встрече с Феликсом. Что сказал Феликс? Имена. Некоторые из них больше подходят для разных случаев, чем другие. В то время Рикки предполагал, что преступником может быть кто-то с множеством разных имен. Теперь казалось более вероятным, что они были частью секретного мира. Как Феликс. Как Зак, мальчик, который только что спас его.

Как и сам Рикки.

Рикки читал дальше. В первом основном абзаце документа ему было сказано, кем именно был Алистер Бишоп:

Бишоп в настоящее время является московским корреспондентом «The Times». Это прикрытие. Он оперативник МИ-6 с доступом к нескольким высокопоставленным российским министрам. За последние двенадцать месяцев он переслал большое количество секретных данных, которые МИ-6 считает особенно качественными.

Рикки моргнул. Он очень мало знал о тайном мире, но знал одно: если такие, как Дмитрий, узнают, что этот парень — британский шпион, это кончится для него очень плохо.

Он просмотрел оставшиеся документы. В них содержались данные еще о трех британских агентах. На российском флоте был русский гражданин. В Украине работала женщина. И, наконец, учитель английского языка в петербургской школе, куда отдавали своих детей богатые и влиятельные русские...

— *Ты понимаешь, что это такое, да? Коул продает информацию о британских агентах, работающих под прикрытием за границей. Если Дмитрий и его друг получают эту информацию, эти люди все равно что мертвы.*

— *И Коул сказал, что есть намного больше...*

Рикки почувствовал, как его губы скривились от отвращения.

Внезапно он снова поежился. Этот пронзительный вой вернулся. Или, может, он был там все это время, и Рикки заметил его. Он снова огляделся. В церкви точно никого не было. Так откуда шел звук?

— *Не беспокойся об этом. Это ничто. Тебе нужно подумать, что ты собираешься делать дальше.*

Рикки посмотрел на документы в своих руках. Возможно, он должен уничтожить их сейчас. Тогда русские никогда не смогут до них добраться. Но что-то остановило его. Если он уничтожит документы, он уничтожит веские доказательства против Коула. Он подумал об Иззи, которая так боялась жестокого отца, что не могла вернуться домой.

Его губы снова изогнулись. Он не собирался отпускать Коула. Ни за что.

Он положил документы обратно в металлический чемодан. Затем он защелкнул его.

Его глаза сузились. Вой прекратился.

В животе Рикки снова появился страх. Он медленно открыл портфель. Вой вернулся.

Казалось, Рикки двигался в замедленном темпе. Он вынул папку из портфеля и положил ее на скамью рядом с собой. Затем он осмотрел чемодан более внимательно.

Ему потребовалось около десяти секунд, чтобы понять, что у портфеля было фальшивое дно. Ему удалось провести пальцами по краям и отсоединить его.

От вида того, что лежало внизу, у него перехватило дыхание. Путаница из проводов: коричневого, синего и желтого. Они были подключены к печатной плате и к небольшой аккумуляторной ячейке с двумя батареями типа АА. На какой-то ужасный момент Рикки

показалось, что он смотрел на взрывное устройство. Но тут его глаза заметили небольшую микросхему, припаянную к плате. Узкими белыми буквами на ней было написано: GPS.

Рикки коснулся путаницы проводов. Вой прекратился. Где-то явно оборвался контакт. Если бы не этот звук, он никогда бы не узнал, что в чемодане было то, что совершенно очевидно было устройством слежения.

И если было устройство слежения, это означало, что за ним кто-то следил.

Русские.

— *Вытащи батарейки. Быстро! Отключи это!*

Как только эта мысль отскочила в его голове, он услышал снаружи визг шин и почувствовал прилив адреналина.

— *Они здесь! ОНИ НАШЛИ ТЕБЯ!*

Пальцы Рикки вдруг стали неуклюже возиться, он пытался вынуть батарейки из ячейки. Как только он их вытащил, он сунул их в карман и вернул на место фальшивую основу. Он закрыл портфель и схватил папку. Сняв рюкзак со спины, он запихнул туда документы. Его пальцы коснулись драгоценностей, которые он украл из дома Иззи прошлой ночью, но сейчас он не думал о бриллиантах. Он снова закинул рюкзак на плечо, схватил портфель и побежал по проходу.

— *Положи портфель на вершину алтаря. Увидев его, они остановятся, чтобы заглянуть внутрь. Это даст тебе несколько дополнительных секунд.*

Рикки сделал так, как сказал ему голос в голове. Но, кладя портфель на алтарь, он услышал снаружи голоса. Они кричали по-русски. Едва он сделал два шага от алтаря, как тяжелая дверь церкви распахнулась. Появились Дмитрий и Григорьев. Они мельком взглянули на Рикки и помчались к нему по проходу, их тяжелые ботинки эхом разносились по церкви на бегу.

Рикки бросился к двери за алтарем и проскользнул в нее. Она вела в темную тесную ризницу, и, к его ужасу, там не было внешней двери — только окошко, которое нельзя было открыть. Матовое стекло, деревянная рама с облупившейся краской. Рикки обернулся и осмотрел дверь. Там был внутренний засов, что означало, что он мог запереться в этой комнатке. Он быстро задвинул засов — вовремя, потому что через секунду он услышал тяжелый удар кулаком по самой двери.

Но теперь он застрял внутри, потея и паникуя...

— *Думай. Думай!*

Рикки окинул взглядом содержимое комнаты. На стене висели рясы священников, а вдоль противоположной стены стоял еще один шкаф, полный молитвенников.

Ему нужно было спрятать документы. Лишь вопрос времени, когда русские прорвутся в ризницу. Через минуты, если повезет. Скорее всего, секунды. Он быстро подошел к шкафу и достал молитвенник. Открыв его, он вырвал из середины пачку страниц...

По двери внезапно ударили. Она тревожно захлопотала в дверном проеме. Рикки мог представить, как Дмитрий или его приятель бились об дверь плечом.

— *Она не выстоит!*

Рикки опустил рюкзак и сунул внутрь руку. Он вытащил документы, сложил их вдвое, а затем положил в углубление, которое он сделал в молитвеннике.

Еще один сильный удар по двери. Засов содрогался.

— *У тебя меньше тридцати секунд!*

Рикки на мгновение заколебался. Затем он во второй раз порывлся в рюкзаке и вытащил

ожерелье мамы Иззи. Он положил его в книгу вместе с документами, а затем осторожно вернул подделанный сборник на полку. Ему потребовалась доля секунды, чтобы убедиться, что испорченная книга ничем не отличается от остальных, затем он взял разорванные страницы и сунул их в карман самой запыленной рясы, которую только смог найти. Внутри рясы была ручка. Инстинктивно Рикки забрал ее себе.

Бам!

Тревожный скрип сопровождал третий удар плечом по двери. Еще один, может, два удара, и русские будут здесь.

Рикки схватил еще один молитвенник с другой полки. Затем он обратил внимание на окно.

Оно находилось примерно в двух метрах от земли. Размер — метр квадратный. Рикки прикинул, что сможет пролезть сквозь него, но сначала ему нужно было разбить стекло. Он придвинул стол к стене и поставил на него тяжелый стул.

Бам!

Оглянувшись, Рикки увидел, что засов отлетает от дверной рамы. Он прыгнул на стол, затем неловко поднял стул и ударил им ногами об окно.

Стекло выдержало.

Он снова ударил. Ничего.

Бам!

Засов выгибался. Дверь была приоткрыта на пару сантиметров.

— Хватит всего одного удара!

В третий раз Рикки ударил стулом по стеклу, вложив всю силу, на которую было способно его измученное тело.

Наконец, оно не выдержало.

Второй раз за это утро звук разбитого стекла заполнил его уши. Рикки отбросил стул к двери — еще одно препятствие на пути русских. Вокруг оконной рамы все еще было зазубренное стекло, поэтому он использовал рукав, чтобы вытолкнуть его, а затем вздрогнул, когда осколок стекла вонзился ему в руку. У него началось сильное кровотечение, но он не мог позволить этому замедлить его. Сжимая молитвенник и ручку, он практически вылетел в открытое окно и тяжело упал на твердую землю снаружи.

Он вздрогнул, когда его колени и лодыжки сотрясло, а затем рухнул кучей.

В полуметре от того места, где он стоял, он увидел пару ног.

Он посмотрел вверх.

Джейкоб Коул смотрел на него сверху вниз.

Лицо Коула искажилось от гнева. В глазах его был бешеный огонь, седые волосы были взлохмачены, а на шее вздулась вена. Он сделал угрожающий шаг в сторону Рикки.

Два шага.

Рикки слышал стук по другую сторону открытого окна и понял, что русские проникли в ризницу. Он огляделся. Он был в мощеном переулке в конце церкви. Высоко над ним был витраж, который он видел изнутри. Единственный выход был по переулку, что означало обойти Коула.

Рикки держал ручку в здоровой руке, молитвенник — в окровавленной. Он поднялся на ноги.

Коул зло усмехнулся.

— Сегодня я не даю автографы, — сказал он. — И я думаю, что уже поздно для

молитв, а ты, глупый маленький мальчик?

Рикки посмотрел на молитвенник.

— На самом деле, — сказал он, — нет.

Он двигался быстро. Внезапным резким движением он сильно ударил крепким корешком молитвенника по шее Коула. Коул издал сдавленный звук, затем пошатнулся. Но Рикки еще не закончил. Жестким взмахом руки он сильно вонзил ручку в правое бедро Коула. Она проткнула его брюки и глубоко вонзилась в плоть.

Коул взвыл от боли. Рикки оставил ручку торчать из ноги и вскочил на ноги.

— Это за Иззи, — прошипел он, прежде чем сильно ударить открытой ладонью по лицу Коула и оттолкнуть его с дороги.

Он оглянулся. Дмитрий уже вылезал из разбитого окна.

— *Беги.*

Голос в его голове был более настойчивым, чем когда-либо.

— *Беги! Беги! Беги!*

Рикки побежал по переулку. Он знал, что должен где-то найти запасы энергии и скорости, и каким-то образом он это сделал. Он игнорировал кровь, текущую из его руки, неся по брусчатке. Открытый конец переулка находился в тридцати метрах. Он оглянулся и увидел Дмитрия на таком же расстоянии позади себя. След удара Рикки на лицо русского выглядел еще хуже, чем прежде, но Дмитрий не бежал за ним. Вместо этого он вытащил пистолет и целился.

Рикки побежал еще быстрее. Двадцать метров до выхода. Его кожу покалывало. Он знал, что скоро будет выстрел. В его сознании вспыхнули картины ужасной, смертельной раны, которую русские нанесли парню в кафе.

— *Петляй! Это сделает тебя более сложной мишенью!*

Он побежал зигзагом. Пятнадцать метров до выхода.

Выстрел!

Он точно знал, куда попала пуля. В стену слева от него. Она срикошетила под углом прямо перед ним, подняв облако кирпичной крошки. Часть обломков ударила его в лицо, и он вздрогнул. Но он продолжал двигаться вперед, все еще виляя, стараясь как можно больше отдалиться от стрелка.

Десять метров до выхода.

Его мышцы горели.

Пять метров.

— *Осторожно!*

Внезапно вход в переулок заблокировали. Григорьев был там. Огромная масса его тела, казалось, заполнила выход, и он держал перед собой металлический портфель. Хотя Рикки и пытался обогнуть его, он без сомнений знал, что у него это никогда не получится.

Через две секунды он столкнулся с чемоданом. Это было все равно что удариться о кирпичную стену. Рикки почувствовал, как воздух вылетел из его легких, когда он врезался в прочный металл. Потом он закричал от боли. Русский схватил его за окровавленную руку. Другой огромный кулак сжал Рикки за шею и давил так сильно, что Рикки почувствовал, как его колени подогнулись под ним.

Он боролся и корчился, пытаясь вырваться, но это было бесполезно. Он был в хватке у русских.

А потом пришли остальные — Дмитрий и Коул. Рикки внезапно ощутил тяжесть в

животе, а из горла вырвался неприятный кашель.

Он услышал тонкий, хриплый голос Коула.

— Что мы собираемся с ним делать?

Еще один ботинок ударил его по животу. Рикки увидел звезды.

Голос Дмитрия. Низкий гневный гул:

— Сначала, — сказал он, — мы выясним, кто его на это подтолкнул. Тогда мы заберем то, за что заплатили.

— Что потом? — прошипел Коул.

— Потом, — сказал русский, — мы его убьем.

21

ВСПЫШКА

Рикки еще не ощущал такого страха.

Двое русских держали его по бокам, крепко схватив за локоть. Рикки боролся и извивался, пока его тащили вдоль стены церкви. Коул хромал рядом с ними. Он вытащил ручку из ножи, но гнев в его глазах не исчез.

Рикки соображал, пытаюсь вспомнить что-нибудь из того, чему его научил Феликс, что могло бы помочь в подобной ситуации. Но ни одно из занятий не предусматривало побег от двух жестоких головорезов, одержимых желанием убить его. Поэтому он сделал единственное, что пришло в голову. Закричал:

— На помощь! Помогите!

— Заткни его, — прорычал Дмитрий. Через долю секунды Рикки почувствовал, как кулак с силой ударил его в живот. Он согнулся пополам, задыхаясь и отплевываясь. Он не будет пытаться это снова.

Они свернули за угол, и Рикки увидел, что они снова были перед церковью. Снаружи был припаркован черный грузовик, и русские подтащили его к нему. Через несколько секунд он оказался внутри, и Дмитрий прижал его к сидению, резко вонзив пистолет в его живот. Коул и Григорьев были впереди. Минивэн с визгом удалился. Никто не говорил. Пот стекал с липкого тела Рикки почти так же быстро, как кровь с его раненой руки. Половина его хотела продолжать борьбу. Другая половина знала, что Дмитрию больше всего на свете хотелось бы всадить пулю ему в живот.

Пока они ехали, единственный звук исходил от Коула. Его явно беспокоила нога, и он все бормотал себе под нос — низкое, неприятное шипение, как раненая змея. Рикки едва замечал, куда они ехали. Краем глаза он увидел оживленную серую эстакаду и указатель М1. Он мельком заметил Большую Желтую Складскую Компанию, а потом догадался, что они находились в какой-то безликой промышленной зоне.

Минивэн с визгом остановился у какого-то большого серого склада. Вход закрывали большие белые жалюзи. Дмитрий поднял брелок, нажал кнопку, и она автоматически открылась. Она снова закрылась, как только автомобиль оказался на складе.

Полная темнота. Пока Дмитрий вытаскивал Рикки из машины, звук захлопывающейся двери отдавался эхом в течение пяти секунд, заставляя его понять, что это было большое здание. Он почувствовал, как его с силой опускают на колени. Двое русских сказали что-то на своем языке, и через несколько секунд зажглась массивная полоса света. Это сопровождалось электрическим жужжанием, едва слышимым для Рикки.

Рикки увидел, что он находится на огромном складе. Каменный пол. Железные балки

под потолком. Он огляделся в поисках выхода. В дальнем конце склада был пожарный выход, но дверь была надежно заперта. В любом случае, если Рикки побежит, они пристрелят его, не успев сделать и десяти шагов.

Кроме этой двери и въезда для автомобиля, выхода не было.

Дмитрий стоял над ним. Пистолет был направлен прямо ему в голову. Но не так близко, чтобы Рикки мог протянуть руку и схватить оружие. Ему пришло в голову, что Дмитрий уже делал подобные вещи.

Подошёл Григорьев, его шаги эхом отдавались в огромном пространстве. Рикки почувствовал, как сильные руки оцупали его. Он нашел телефон Рикки, вытащил его, бросил на пол и раздавил на куски пяткой.

— Видеодоказательства! Их больше нет!

Но у Рикки были заботы важнее, чем его уничтоженные кадры.

— Отдай документы, — потребовал Дмитрий.

— У меня их нет, — прошептал Рикки. Его голос был хриплым, и после полученных ударов ему было больно говорить.

Неправильный ответ. Колено Дмитрия врезалось в лицо Рикки. Он почувствовал, как его скула треснула, а из носа брызнула кровь.

— ОТДАЙ ДОКУМЕНТЫ!

— У меня... их... нет... — выдохнул Рикки.

Дмитрий рывкнул что-то по-русски, и Григорьев подошел и грубо сорвал рюкзак со спины Рикки. Пока Рикки корчился на полу от боли, русский вывернул рюкзак наизнанку, чтобы высыпать содержимое на пол.

Выпали два предмета. Первой была фотография Рикки и его родителей. Уголок рамки ударился о твердый пол. Затем последовало письмо от Мадлен. Оно упало на пол рядом с фотографией. Русский схватил его и вытащил письмо из конверта, явно проверяя, не спрятал ли Рикки туда документы. Когда он увидел, что это всего лишь письмо, он скомкал его и бросил на землю.

— Нет! — попытался закричать Рикки, но голос его был слабым и хриплым.

Внезапно Коул оказался там, присел рядом с Рикки, его губы скривились от ярости. На его брюках было пятно крови в том месте, где вошла ручка.

— Что ты сделал с этими бумагами, маленький...

Но Дмитрий яростно отшвырнул Коула в сторону. Он наклонился и поднял Рикки за плечи. Затем он потащил его к фургону и прижал к машине. Хотя его русский акцент был очень сильным, его английский был превосходным. Он говорил медленно и очень четко, так что Рикки мог слышать каждое слово.

— Пойми. Ты скажешь мне, где эти документы. Либо ты делаешь это сам, либо мы делаем это по-другому. Но поверь, когда я говорю, что если мы поступим иначе, ты будешь умолять сказать мне, где они, а потом ты будешь умолять меня убить тебя. Теперь я задам этот вопрос только один раз. Где документы?

Вопрос, казалось, повис в воздухе между ними, и мысли Рикки кипели. Он пытался выкинуть из головы боль своего израненного и истекающего кровью тела. Думать. Поступить правильно.

Это было невозможно.

Мир вращался. Все его тело было наполнено смесью ужаса и боли. Он посмотрел через склад и увидел, что отец Иззи сердито смотрит на него. Внезапно лицо Коула как будто

изменилось, и он увидел саму Иззи.

Он знал, что на самом деле это была не она. Он знал, что его разум играл с ним злые шутки. Но образ Иззи вызвал у него ободряющую улыбку. Эта улыбка, в свою очередь, придавала ему немного силы.

Он слышал, как говорил:

— Я не знаю, где они...

Внезапная острая боль. Дмитрий стукнул кулаком по поврежденной скуле Рикки. Он услышал, как выл в агонии, и мир закружился в два раза быстрее. Тошнота пробежала по его телу. Он посмотрел на изображение Иззи Коул, которое он видел.

Но она изменилась...

Это было очень тонко, потому что Иззи и Мадлен были так похожи. Но среди суматохи, страха и боли Рикки мог видеть лицо своей сестры так ясно, как если бы она была живой.

Он знал, что это было лишь видение, но оно придало ему какую-то силу. Легче всего было бы сдаться. Но последствия будут разрушительными. Коды «Трезубца» окажутся не в тех руках. Четыре британских агента будут все равно что мертвы. И Джейкоб Коул будет ходить на свободе, готовый запугивать и терроризировать всех и каждого, как он сочтет нужным.

Что подумала бы о нем сестра, если Рикки позволил бы этому случиться? Если бы он думал только о себе, когда на карту были поставлены более важные вещи?

— *Значит, Феликс был прав. «Однажды ты удивишь себя...».*

И мир перестал вращаться. Коул снова был Коулом. Все было ясно. Рикки посмотрел Дмитрию в глаза.

— Ты можешь убить меня сейчас, — сказал он, — потому что я не скажу, где они.

На долю секунды Рикки заметил на лице Дмитрия слабую тень сомнений. Но это быстро прошло. Дмитрий схватил его за волосы, дернул и толкнул Рикки на пол. Он почувствовал тяжелый ботинок в пояснице. Затем он услышал звук, который научился узнавать: глухой лязг, когда Григорьев готовился выстрелить.

— погоди!

Говорил Дмитрий. Он говорил по-английски — Рикки понял, что это было для Коула, а не Рикки.

— Что у него на спине?

Рикки не понимал, о чем говорил. На спине ничего не было — даже рюкзака, который кучей валялся в нескольких метрах от него.

Он почувствовал, как Дмитрий наклонился, потом почувствовал руку русского на своем левом плече.

Он что-то вспомнил. Мальчик, который спас его из кафе «Счастливая долина» — Зак, да? — дружески шлепнул его по левому плечу как раз перед тем, как они расстались. В то время Рикки подумал, что это странно, но, может...

Он посмотрел вверх. Дмитрий что-то держал. Предмет был очень маленьким. Рикки спугал бы его с одной из крошечных батарей в форме диска, если бы из центра не торчал крюкообразный провод. Дмитрий поднял его выше, словно разглядывал драгоценный камень.

А потом он сказал:

— Нас кто-то выслеживает. Убираемся отсюда! Прочь!

Но слишком поздно. Через полсекунды отключилась полоса освещения над головой.

Электрический гул стих.

Полная темнота.

Послышался стук шагов. Он почувствовал, что Коул и один из русских бежали сквозь тьму к бронетранспортеру. Второй русский — Рикки подумал, что это был Дмитрий — наклонился, чтобы схватить его за шкурку и яростно поднять на ноги...

Внезапный взрыв пронесся по складу. Он исходил не от входа для машин, которым воспользовались Рикки и русские, а от запертой двери на противоположном конце. Случайно Рикки оказался именно в этом направлении. Он увидел внезапную оранжевую вспышку, когда дверь взорвалась внутрь. В середине этой вспышки был силуэт человека. Рикки ничего не мог понять были ли он мужчиной или женщиной, молодым или старым, — но в этот краткий миг вспышки он мог сказать следующее: пришедший был вооружен. Неискушенному взгляду Рикки показалось, что он держал штурмовую винтовку.

Через мгновение взрыв отбросил Рикки и Дмитрия назад. Русский выпустил его, когда на них обрушилось облако пыли и обломков. Рикки откатился от похитителя, кривясь, когда его окровавленная рука зацепилась за что-то острое на полу. Через несколько секунд после того, как погас свет, глаза Рикки немного привыкли к темноте. Он увидел очертания Дмитрия. Он стоял на колене, вытянув руку с оружием, готовясь выстрелить.

Это был еще один из тех моментов, которые были либо очень смелыми, либо очень глупыми. Рикки бросился на русского и врезался в его тело, сбив его с ног, прежде чем он успел выстрелить.

Как только их тела столкнулись, Рикки услышал женский голос из дверного проема.

— Световая граната! — закричала она.

Внезапно раздался второй взрыв — грохот, пронзивший воздух и барабанные перепонки Рикки. Его сопровождала ослепляющая вспышка, будто огромная молния ударила внутрь самого склада. Рикки был ослеплен, оглушен и дезориентирован. Он откатился от Дмитрия, схватившись за голову, пытаясь отогнать замешательство. Ему нужно было выбраться отсюда, но он даже не знал, мог ли встать...

Шаги. В комнату вошел не один человек.

У Рикки закружилась голова. Ему нужно было встать на ноги. Чтобы выбраться отсюда...

Голос крикнул:

— Ложись! — Рикки узнал его. Это был мальчик по имени Зак.

Он прижался к полу, раздалось два выстрела. Они исходили из двух разных орудий — Рикки видел искру от каждого из них, когда они стреляли. И снова за каждой искрой, несмотря на ослепленные глаза, он мог разглядеть очертание фигуры.

Двое русских начали кричать. Они были поражены. Рикки пригнулся, его зрение и чувства постепенно восстанавливались. Одна из фигур пробежала мимо него, и Рикки показалось, что он видел, что на них был какой-то головной убор. Он вспомнил, как Феликс говорил об очках ночного видения, позволяющих видеть в темноте. Эти фигуры двигались так легко, будто середь бела дня. Видимо, это было на них надето...

Снова женский голос:

— Коул! Ложитесь на землю, руки за голову, иначе стреляю!

Коул жалобно заскулил, и послышался шорох. Он явно делал то, что ему было сказано. Русские все еще выли от боли, а сам Рикки чувствовал немалую панику. Кто были эти люди? Друзья? Враги? Кто?

— Что происходит? — крикнул он сквозь хаос. — Что, черт возьми, происходит?
Верхний свет вернулся. Рикки болезненно прищурился.
Затем он огляделся.

22

СНОВА ОДИН

Он был прав. На складе появилось трое.

Первым был мальчик возраста Рикки. Но Рикки не мог разобрать его черты, так как он был в очках ночного видения. Насколько Рикки мог судить, он не был вооружен, но это его не беспокоило. Коул лежал на земле, одна рука была согнута за спиной. Одним ловким движением он достал из кармана белую пластиковую стяжку и крепко стянул запястья Коула за спиной. Потом он сам встал и поднял очки, и Рикки увидел, что это был Зак.

Рикки сосредоточился на его спутниках. Мужчина и женщина. Они оба снимали свои очки ночного видения. Рикки уже видел этого человека раньше, с Заком в кафе на Фритт-стрит. У него были светлые волосы и мрачное, серьезное лицо. Он убрал пистолет в кобуру, прикрепленную к его телу. У женщины были белокурые волосы до плеч. Она тоже была

знакомы. Он видел ее, когда выбежал из квартиры? Она явно чувствовала необходимость сжимать пистолет, когда подходила к хныкающему Дмитрию.

Плечи Дмитрия и его друга сильно истекали кровью. Их обоих подстрелили в одно и то же место, и Рикки понял, что этого и хотели прибывшие. Без сомнения, они были меткими стрелками. Но женщина не выглядела слишком обеспокоенной их драматичными ранами.

— Ты будешь жить, милый, — сказала она русскому. — Даже жаль, — она посмотрела на Рикки. — Больно, Рикки? — спросила она его.

Рикки посмотрел на свою окровавленную руку.

— Это... ничего, — сумел сказать он.

— Она знает твое имя. Должно быть, она как-то связана с Феликсом...

— Хорошо.

Пока она говорила, Дмитрий прошел по полу туда, где лежал его пистолет, и протянул руку, чтобы схватить его. Рикки хотел было крикнуть: «Осторожно!», но в этом не было нужды. Женщина развернулась, почти как балерина, и сильно ударила ногой по запястью Дмитрия. Русский снова закричал, но никто не обратил на него внимания. Женщина подняла пистолет и вынула магазин. Блондин сделал то же самое с пистолетом Григорьева. Затем они связали руки русским за спиной, как Зак сделал с Коулом, не обращая внимания на их вопли от боли и кровоточащие плечи.

Пока все это происходило, взгляд Рикки метался по складу.

— Как включался и выключался свет?

— Кто-то явно управлял платой предохранителей.

Это означало, что должен быть четвертый человек.

Рикки посмотрел на распахнутую взрывом дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как входит Феликс.

Феликс окинул взглядом сцену опустошения. Затем его взгляд упал на Рикки. Он подковылял к своему бывшему ученику, протянул руку, чтобы помочь ему встать. Но Рикки не нуждался в его помощи. Он сам с трудом поднялся на ноги.

— Хорошая работа, Коко, — тихо сказал Феликс.

Рикки посмотрел на остатки своего мобильного телефона, который Дмитрий раздавил пяткой.

— У меня была запись, на которой Коул передает код русским. Думаю, ей конец.

Феликс подошел к разбитому телефону и аккуратно собрал все осколки. Он осторожно отнес их Рикки.

— Тебя поразит то, что мы можем восстановить с поврежденного жесткого диска. Я предполагаю, что Джейкоб Коул сядет в тюрьму на очень долгое время. Благодаря тебе.

— Я сделал это для Иззи, — сказал он.

— Ты сделал это, нарушив все правила книги. Но все равно хорошая работа.

Рикки оглядел комнату. Женщина с белокурыми волосами подталкивала раненых русских к минивэну, Коул рухнул на колени и склонил голову.

— Однако в следующий раз, — добавил Феликс, — может, тебе следует сообщить людям, что ты делаешь. Это было близко.

— Следующего раза не будет, — сказал Рикки. — Не знаю, заметили ли вы, но мне повезло, что я жив. Чего нельзя сказать о парне в кафе, где они встретились, — он ощутил, что дрожал, вспоминая ужас того момента. — Его убили, — пылко сказал он. — Они приставили пистолет к его голове и убили.

— Знаю, — сказал Феликс, — и мне жаль, что тебе пришлось это увидеть. Но, может, есть люди, которых ты защитишь от такой судьбы, если закончишь обучение.

— Я всего лишь ребенок, — прошипел Рикки.

Феликс покачал головой.

— Ты уже давно не ребенок, Рикки.

Прежде чем Рикки успел ответить, к ним подошел Зак. Он поднял рюкзак Рикки вместе с фотографией и письмом.

— Твое? — спросил он.

— Спасибо, — пробормотал Рикки, принимая их.

— Я вижу, ты познакомился с Агентом 21, — сказал Феликс.

Рикки моргнул. Так это был тот парень, о котором говорил Феликс.

— Ты вешаешь устройство слежения на плечо каждого, кого встречаешь? — спросил Рикки. Он знал, что звучал не слишком дружелюбно.

— Только тем, которые, по моему мнению, могут погибнуть, если я этого не сделаю, — сказал Зак.

Не было времени ответить. Внезапно откуда-то за пределами склада раздался звук сирены. Полиция. Рикки, Феликс, Зак и двое его товарищей повернулись, посмотрели на вход для машин.

— Я разберусь с ними, — сказал Феликс. Он повернулся к Рикки. — Думаю, это прощание.

— Наверное, да.

— У меня есть одна просьба. Коды — они где-то в безопасности?

Рикки кивнул.

— Иди с Агентом 21. Найди их и отдай ему.

Рикки не видел в этом проблемы. Он снова кивнул. И, не оборачиваясь, направился к двери, в которую всего несколько мгновений назад взорвали. Зак догнал его, и они вместе покинули склад.

Они молча обошли склад. Сирены стали звучать намного громче, и Рикки вдруг увидел две полицейские машины, несущиеся к ним по дороге промышленной зоны.

— Просто продолжай идти в противоположном направлении, — сказал Зак. — Они никогда не замечают таких детей, как мы. Как будто мы невидимы.

— Ага, — горько сказал Рикки. — Думаю, именно это делает нас такими ценными.

Зак едва заметно улыбнулся, но ничего не сказал.

— Ты следил за мной, да? Я видел, как ты чинил свой велосипед возле Макдональдса.

— Хорошо подмечено, — сказал Зак. — Большинство людей не заметили бы. Феликс, должно быть, хорошо тебя учил.

— Я уверен, что он хотел бы так думать.

Снова эта улыбка. Это поставило Рикки в тупик.

— Кто остальные? — спросил он. — Блондинка и парень?

— Это мои ангелы-хранители, — сказал Зак. — Как Феликс — твой. Они есть у всех нас. Их зовут Раф и Габс. Благодаря им я до сих пор жив. Я узнаю от них все, что могу. Я обнаружил, что так проживу дольше, — он сделал паузу. — Но это не значит, что я всегда должен делать то, что они говорят. Кстати, куда мы идем?

— Церковь Всех Душ, Харлесден, — сказал Рикки. И он ускорил шаг, показывая, что не хотел больше говорить.

Потребовалось десять минут, чтобы найти такси, и еще десять, чтобы добраться до церкви, где его поймали Коул и русские. Было по-прежнему безлюдно. Они вошли через главные двери, и их шаги отдавались эхом, пока они шли к алтарю, а затем в ризницу позади, дверь была настежь открыта. Дверь была повреждена там, где русские ломали ее. Стол все еще стоял у разбитого окна, а стул лежал на боку на полу.

Зак молча оглядел комнату. Он казался впечатленным.

Рикки направился к полке с молитвенниками. Он выбрал книгу, которую подделал, и почувствовал облегчение, что документы были на месте, как и ожерелье, которое он украл у мамы Иззи.

Он разложил предметы на столе, затем проверил документы, чтобы убедиться, что все на месте.

— Коул продавал русским что-то еще, — сказал Рикки. — Не только коды. Он предлагал им информацию о британских агентах по всему миру. Я подумал, что это плохо.

Зак посмотрел на документы.

— Ты правильно понял, — тихо сказал он. — Ты сегодня спас много жизней, Рикки. Если прикрытие агента раскрыто без его ведома, его жизнь немедленно оказывается в опасности. Это мог быть я, — он пронзительно посмотрел на Рикки. — Или ты.

Рикки не мог долго выдерживать его взгляд. Он снова посмотрел на стол и взял бриллиантовое ожерелье.

— Ярко, — сказал Зак. — Хочешь сказать мне, что это такое?

— Я украл его из дома Джейкоба Коула, — сказал Рикки. Он выпятил подбородок. — Полагаю, ты собираешься сказать мне вернуть его.

— Я не собираюсь приказывать тебе что-либо делать, — сказал Зак.

Наступила тишина. У Рикки появился вопрос, но что-то его удерживало.

— *Задай его.*

— *В чем смысл? Теперь все кончено. Я к ним не присоединяюсь.*

— *Ты ведешь себя по-детски. Просто спроси его.*

— Феликс сказал тебе, почему я ушел? — наконец, спросил Рикки.

Зак кивнул.

— Ты не хотел выдавать местонахождение Иззи Коул.

— Это сделал бы Феликс, — пылко сказал Рикки. — Он бы отправил ее обратно к отцу, который ее бил. Я не собирался этого допускать.

— И не допустил, — Зак казался совершенно спокойным. От этого Рикки растерялся. Они стояли, молчали. На этот раз тишину нарушил Зак. — В нашей работе, — сказал он, — тебе говорят что-то делать. Как ты это сделаешь, зависит от тебя. Мой совет: слушай своего ангела-хранителя. Учись у него всему, что только можно. Но не прекращай думать самостоятельно, потому что в тот момент, когда ты это сделаешь... — его голос стих, и он многозначительно посмотрел на ожерелье на столе. — Ты мог бы стать отличным агентом, Рикки. Сделать что-нибудь хорошее в этом мире. Или можешь продолжать как вор. Выбор остается за тобой.

— Ты ничего не понимаешь, — выпалил Рикки. — Если я продам это ожерелье, я смогу оставаться в безопасности несколько месяцев. Буду защищен от взрослых. От улицы. От всего этого... — он обвел рукой ризницу, указывая на разбитое окно.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — сказал Зак. Он взял документы со стола и спрятал их в куртку. — Я думал, ты был хорошим. Может, я ошибался, — он направился к

двери ризницы, но прежде чем уйти, остановился и повернулся к Рикки. — Интересно, что сказали бы твои родители, — сказал он.

— Мои родители умерли, — заявил Рикки.

Зак грустно улыбнулся.

— Мои тоже. Я решил повзрослеть после того, как это случилось. Что ты решил? — не дожидаясь ответа, он тихо прошел через поврежденную дверь ризницы и скрылся в церкви.

Рикки слушал, как его шаги стихают и исчезают. Он схватил ожерелье и сунул его в карман. А затем, поскольку он решил, что не хотел снова встречаться лицом к лицу с Агентом 21, он вылез через разбитое окно.

Снова один.

ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ И УМНОЕ

Полдень.

Иззи Коул вышел на площадь Пикадилли. Она посмотрела на газетный киоск напротив выхода на Риджент-стрит. Она пыталась найти Рикки. Его не было видно. Все, кого она видела вокруг киоска, были взрослыми.

Погодите. Кто это был? Кто-то стоял к ней спиной и был похож на мальчика. Он отдавал деньги на газету. Иззи быстро подошла к нему. Он повернулся, и она остановилась. Это был не Рикки. Мальчик исчез в толпе. И хотя было очень людно, Иззи вдруг снова почувствовала себя совсем одинокой.

Прошло пять минут. Десять. Никаких признаков Рикки. Иззи напредила себе о том, что сказал Рикки.

Если я пропузу нашу встречу, то мы встретимся в том же месте, в то же время на следующий день.

Она чувствовала себя глупо, веря ему. Рикки подвел ее. Она полагала, что ей лучше привыкнуть к этому. Потому что она усвоила одну вещь: в конце концов, все тебя подводят.

Она не вернется завтра. Ни за что. Ей надоело полагаться на других людей. Теперь она была одна.

Иззи отвернулась от киоска и пошла, хотя и не совсем знала, куда идти. Она знала, что она не пойдет домой. Ей снова придется ночевать на улице. У нее почти не было денег, и единственным другим вариантом, который она могла придумать, был Хантер. И если она пойдет туда, то потеряет все.

В последнюю минуту она оглянулась, крошечная часть ее ожидала увидеть Рикки — опоздавшего и взволнованного, но здесь.

Его не было, поэтому она ушла.

* * *

Наступил полдень.

Ладонь Рикки пульсировала. Он купил дезинфицирующее средство и бинты в аптеке. В грязном переулке он вылил средство на порез на руке, поморщившись, когда оно обожгло поврежденную плоть. Он туго перевязал ее, но чистая повязка уже выглядела грязной. Ему нужно было купить больше медикаментов, но его деньги были на исходе — у него осталось всего десять фунтов. И он не мог обворовать кого-нибудь с такой рукой. Он был слишком неуклюж. Его поймут в одно мгновение.

Он шагал по Кингсвей, в сторону от станции Холборн. Снова пошел снег, и все

прохожие опустили головы и засунули руки в карманы. Не Рикки. Он шел против течения, снег оседал на его волосы и плечи. И хотя его здоровая рука была в кармане, это было не для того, чтобы согреть ее. Он так проверял, что ожерелье, которое он ukrал у миссис Коул — единственная вещь, которая имела хоть какую-то финансовую ценность, — все еще было на месте.

Через 300 метров он свернул направо на Чансери-лейн. Здесь было гораздо меньше людей, но по привычке Рикки остановился и внимательно огляделся. Не было никаких признаков хвоста. Ни Зака. Ни Феликса. Никого. Он был почти уверен, что он был один и незамеченный. Но он думал так и раньше.

Он прошел 200 метров по Чансери-лейн, затем перешел дорогу и повернул налево в переулок. Через несколько мгновений он уже стоял в дверном проеме. Расписная деревянная табличка гласила: «Ф. С. Рэндольф, ювелир». Рэндольфом звали человека, который, по словам Томми, был готов купить украденные драгоценности.

— *Так ты все-таки не выдержал?*

— *Нет смысла хранить ожерелье. Это не мой стиль.*

Он открыл дверь и прошел внутрь. Впереди была пыльная, сырая лестница. Она заскрипела, когда Рикки зашагал по ней. На грязной лестничной площадке первого этажа была полуоткрытая дверь. Рикки вошел в комнату и обнаружил деревянную стойку около трех метров в длину с медным колокольчиком наверху. За прилавком четверо стариков сидели за партами на очень низких табуретках, так что их головы были всего в нескольких сантиметрах над столешницами. У всех были очки, прикрепленные к одному глазу, и они рассматривали драгоценные камни и другие драгоценные предметы. Никто из них даже не вздрогнул, когда Рикки позвонил, не говоря уже о том, чтобы обернуться, чтобы посмотреть на него.

Вместо этого из комнаты слева от прилавка вышел маленький старик с кислым лицом. Он напомнил Рикки Хантера, только старше. Старик оглядел Рикки с ног до головы, будто тот был чем-то очень неприятным.

— Чего ты хочешь, малыш?

— Вы Рэндольф?

— Я сказал, чего ты хочешь?

Рикки достал ожерелье из кармана и положил на стол. Если бы он не смотрел внимательно на лицо старика, то не заметил бы, как его глаза чуть расширились. Это сказалось Рикки, что ожерелье действительно было ценным.

Старик хотел взять его, но Рикки оказался быстрее. Он схватил ожерелье с прилавка.

— Вы Рэндольф? — повторил он.

Старик кивнул.

— Я хочу продать ожерелье, — сказал Рикки.

Рэндольф пожал плечами.

— Это просто бижутерия, сынок. Я дам тебе пятьдесят фунтов.

Рикки не ответил. Он бросил ожерелье в карман и повернулся к двери.

— Хорошо, сынок, — быстро сказал Рэндольф. — Тысяча фунтов, возьми или уходи.

Рикки продолжал идти к двери.

— Десять штук, последнее предложение.

Рикки остановился, повернулся и пошел к стойке.

— Наличными? — сказал он.

— Наличными.

Он подождал, пока Рэндольф вытащит из-под прилавка толстую пачку банкнот. Облизнув палец, старик сосчитал мятые, грязные двадцатифунтовые купюры. Рикки тщательно пересчитывал их, пока они складывались на столе, удивленный тем, какой маленькой стопкой была такая большая сумма денег. Рэндольф положил деньги в бумажный конверт, а Рикки сунул его во внутренний карман куртки и передал ожерелье.

Больше они не говорили. Кивок, и Рикки поспешно спустился вниз по лестнице и вышел на заснеженные улицы.

Он чувствовал себя на пределе, таская с собой такую кучу денег. Это все, что у него было. Потерять это было бы катастрофой.

* * *

Иzzi Коул провела остаток дня, сжавшись на одном и том же месте в метро на Кольцевой линии. Она потеряла счет тому, сколько раз он объехал Лондон. Она была слишком занята тем, чтобы согреться и отвлечься от предстоящей ночи.

В 23:30 поезд остановился на Эджвер-роуд, и Иззи, шаркая ногами, вышла со станции на темную неприветливую улицу наверху. Было ужасно холодно. Так холодно, что крошечная часть ее разума даже подумывала вернуться домой. Но она быстро отвергла эту идею. Дома были монстры.

Она пошла по Эджвар-роуд, быстро двигаясь, чтобы согреться. Вскоре она добралась до Мраморной арки, где повернула налево и пошла по Оксфорд-стрит. Рождественские огни все еще ярко сияли, а дорога была забита ночными автобусами. Она выбрала один наугад, заплатила за проезд до конца линии и нашла место в самом конце. Ее место было рядом с лысеющим мужчиной средних лет, от которого слабо пахло алкоголем. Он читал ранний выпуск завтрашней газеты. Иззи обнаружила, что ее взгляд скользил в ту сторону.

Она замерла.

Первую полосу газеты занимала фотография ее отца.

Ее кровь, казалось, потекла немного быстрее, пока она читала статью под фотографией.

Известный депутат от консерваторов Джейкоб Коул сегодня был арестован по шести пунктам обвинения в терроризме. Неизвестно, связана ли стрельба в мужчину в кафе «Счастливая долина» с арестом, но несколько очевидцев сообщают, что вчера утром видели поблизости Коула...

Иззи отвела глаза. Она не могла больше читать. Ее мутило, а голова словно раскалывалась. Часть нее была в ужасе от новостей об ее отце. Шесть пунктов обвинения в терроризме? Она знала, что он плохой человек, но во что он был вовлечен? Другая ее часть цеплялась за известие о том, что в кафе кого-то застрелили.

Был ли это Рикки? Он был мертв? Не потому ли он не появился в тот день?

Она решила, что должна явиться завтра в двенадцать. Просто посмотреть.

Она повернула голову и смотрела в окно автобуса. Все было размыто, потому что ее глаза наполнились слезами.

К утру Иззи трижды проехала ночным автобусом. Теперь она вернулась на Трафальгарскую площадь. Она была очень голодна и без сил. С красными глазами и уставшими ногами, с ноющими конечностями и жаждущими сна мышцами, она снова подошла к Пикадилли.

У нее не было больше денег на еще один билет на метро. Ей просто нужно было укрыться в вестибюле станции и ждать.

Утро тянулось медленно. Она продолжала ходить по круглому вестибюлю в каком-то оцепенении, едва зная, который час. Каждый раз, проходя мимо газетного киоска, она видела лицо своего отца на первых полосах всех газет. Вскоре ее мысли превратились в смесь этого образа и лица Рикки. Где-то на заднем плане виднелись черты ее матери, когда Иззи видела ее в последний раз.

Глупая ты девчонка, — услышала Иззи ее слова. — *Ты глупая, глупая...*

Полдень. Утро прошло в тумане. Слабая от голода и усталости, Иззи остановилась в десяти метрах от газетного киоска. Повтор предыдущего дня. Но сегодня все лица были размыты. Она шурилась, пытаясь понять, не было Рикки ли среди прохожих. В ответ они одаривали ее забавными взглядами. Но ни один из них не был им.

Пять минут после двенадцати. Ее почти тошнило.

Он был мертв.

Она была одна.

Слезы снова подступали. Она хотела кричать. Бежать...

Ладонь легла на ее плечо.

Иззи обернулась, сжав кулаки. Она была готова кого-нибудь ударить. Чтобы защитить себя, потому что с этого момента ей придется делать это вечно.

Лицо Рикки спокойно смотрело на нее.

Он выглядел иначе. Уставший, конечно. Вокруг его глаз были черные круги, а лицо было грязным. Но было еще кое-что. Рикки выглядел старше. Как будто за тот день, пока Иззи не видела его, он стал свидетелем того, чего большинство людей никогда не увидит. Он серьезно хмурился, а взгляд был напряженным. Выглядел он, подумала Иззи, немного пугающе.

— Ты... ты жив, — прошептала она.

Слабый кивок, когда он поднял забинтованную руку.

— С трудом выжил.

— Мой отец?

— В тюрьме. Надолго. Так мне сказали.

— Кто?

Рикки не ответил.

— Что теперь? — сказала Иззи.

— Ты можешь пойти домой. Твоего отца там не будет.

Иззи захотелось зашипеть. Она думала, что Рикки понимал ее. Она никогда не сможет вернуться в тот дом, даже если там будет только ее мама. Она сделала шаг назад, поглядывая по сторонам, готовясь бежать.

— Конечно, решать тебе, — сказал Рикки. — Я не собираюсь заставлять тебя что-либо делать.

— Я больше никогда не вернусь домой, — сказала Иззи. — Даже если мне придется жить с Хантером и остальными...

— Тебе и не придется, — перебил ее Рикки. Он сунул руку в карман и вытащил коричневый конверт, который протянул Иззи.

Она заглянула внутрь, затем ахнула. Он был полон банкнот.

— Сколько...? — прошептала она.

— Десять тысяч, — сказал он. — Это все твое. Найди безопасное место для проживания. Комната или мини-гостиница. Если будешь осторожна, этого должно хватить,

чтобы прожить до шестнадцати лет. Тогда, может, ты сможешь пойти учиться или что-то в этом роде, начать новую жизнь.

Она крепко сжала конверт.

— Откуда ты это взял? — выдохнула она.

Рикки фыркнул, но во второй раз не ответил.

— Я сейчас пойду, — сказал он. — Но если у тебя когда-нибудь возникнут проблемы, ты можешь найти меня здесь, — он протянул Иззи листок бумаги, на котором написал адрес квартиры в Доклендсе.

Он протянул руку, и Иззи пожалала ее. Затем она обвила руками его шею.

— Спасибо, — прошептала она. — За все.

Рикки ничего не сказал. Как только объятия раскрылись, он быстро кивнул ей. Затем он повернулся и пошел прочь. Через несколько секунд он растворился в толпе.

Иззи Коул задавался вопросом, увидит ли она его когда-нибудь снова.

* * *

Час спустя маленькая одинокая фигура стояла на площади перед высоким многоквартирным домом в Доклендсе, глядя на верхний этаж, рюкзак висел на плече. Снег снова пошел, на этот раз так сильно, что остальные пешеходы укрылись внутри.

Рикки открыл рюкзак и вытащил письмо сестры. Метель продолжала окружать его, он развернул письмо и прочитал его:

Дорогой Рикки,

Я знаю, ты не понимаешь то, что я собираюсь сделать, но ты должен поверить мне, когда я говорю, что это к лучшему. Они отправили меня жить с худшими людьми. На моих руках и спине синяки. Я не могу больше терпеть...

Не обижайся на меня. И не забывай меня. Ты хороший и умный мальчик, Рикки. Делай со своей жизнью что-то хорошее и умное. Прости, что я так не смогла.

С любовью

Мадлен

Мокрый снег размазывал чернила по странице. Рикки сложил письмо и сунул в рюкзак.

Затем он снова посмотрел на квартиру.

Горел свет. Кто-то был дома.

Рикки снова закинул рюкзак на плечо.

— Ты уверен насчет этого?

— Уверен.

Он пересек площадь, вошел в фойе и вызвал лифт.

Казалось, потребовалась вечность, чтобы подняться на верхний этаж. Когда двери со звоном открылись, и он вышел в коридор, увидел, что дверь была открыта. Он шагнул к ней, глубоко вдохнул и вошел.

Феликс был там. Он стоял в гостиной, глядел в окно на заснеженный Лондон, спиной к Рикки.

— Я собирался дать тебе еще пару часов, — сказал Феликс, все еще глядя в окно.

Рикки бросил рюкзак на пол.

— Мне нужно было кое-что уладить, — сказал он.

— Очевидно, — Феликс повернулся и сделал шаг к Рикки. Он слегка вздрогнул, когда надавил на протез ноги. — Ну? — спросил он.

— Я хочу к вам, — сказал Рикки. — Научите меня всему.

На губах Феликса мелькнула легкая улыбка. Он повернулся спиной к Рикки и посмотрел на Лондон.

— Добро пожаловать на борт, Агент 22, - сказал он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net